

К вопросу о претекстах гоголевской «Шинели»

Н.В. Константинова
НОВОСИБИРСК

Несмотря на то, что вопросу «Как сделана “Шинель” Гоголя» уделялось много внимания в литературоведении, он до сих пор имеет свои лакуны. Феномен устойчивости интереса исследователей к данной проблеме заключается в частности в том, что беспрецедентное количество вариативных образований истории о мелком, ничтожном чиновнике-переписчике аккумулируется вокруг одного центра – гоголевской «Шинели». И хотя до появления повести Гоголя уже существовало множество текстовых интерпретаций этой темы, именно Башмачкин впоследствии воспринимается «родоначальником всех микроскопических личностей» в художественной литературе XIX в. В.М. Маркович, исследуя особенности русской новеллы, отмечает, что «“Шинель” вобрала в себя многие мотивы и приемы новелл о “бедном чиновнике”, и в свою очередь напитала своими мотивами и приемами новеллистические повествования 40-х годов, посвященных той же тематике»¹. В связи с этим вопрос о претекстах является актуальным, так как позволяет определить специфику нарративной стратегии автора, выявить устойчивые черты образа главного героя, своеобразие сюжета.

Повесть Н.В. Гоголя «Иван Федорович Шпонька и его тетушка» с этой точки зрения по своей природе является своеобразным претекстом «Шинели». В самом начале рассказа комментируется процесс создания текста. Рассказчик указывает на то, что у него плохая память, как и у повествователя в «Шинели», что история изначально носила устный характер, а затем была записана на бумаге, с которой, в свою очередь, также произошла «история». Неграмотная хозяйка испекла пироги на «листах с буквами», истратив половину тетрадки с за-

© Н.В. Константинова

¹ Маркович В.М. О связи и трансформациях «натуральной» новеллы и двух «реализмах» в русской литературе XIX века // Русская новелла. Проблемы теории и истории / под ред. В. Марковича, В. Шмида. СПб., 1993. С. 123.

писанным рассказом, вследствие чего история лишилась продолжения. Рассказчик имитирует форму устной речи, копируя при этом написанное другим человеком на бумаге повествование. Таким образом, «Иван Федорович Шпонька и его тетушка» – копия печатного текста, записанного Степаном Ивановичем Курочкой. В связи с этим повествователь – переписчик, копист.

История об Иване Федоровиче имеет некоторое сходство с повествованием о Башмачкине. Отметим основные моменты. Обучаясь в школе, «сидел он всегда смиренно, сложив руки и уставив глаза на учителя, и никогда не привешивал сидевшему впереди его товарищу на спину бумажек, не резал скамьи и не играл до прихода учителя в тесной бабы»¹. В пехотном полку его поведение также отличалось от образа жизни товарищей: «И так как он не пил выморозок, предпочитая им рюмку водки перед обедом и ужином, не танцевал мазурки и не играл в банк, то, натурально, должен был всегда оставаться один. Таким образом, когда другие разъезжали на обывательских по мелким помещикам, он, сидя на своей квартире, упражнялся в занятиях, сродных одной кроткой и доброй душе: то чистил пуговицы, то читал гадательную книгу, то ставил мышеловки по углам своей комнаты, то, наконец, скинувши мундир, лежал на постели» (1, 286). Подобное поведение героя описывается, безусловно, с явной иронией, как и в повести «Шинель», но в то же время отмечается, что такие занятия характеризуют Ивана Федоровича как человека доброго и кроткого. Таким образом, благодаря такому принципу повествования, раскрывается амбивалентность гоголевского героя.

Кроткую душу героя искушает тетушка (андрогин – Василиса/Василий, мужеподобная женщина, выполняющая мужскую работу), которая посылает белье Ивану Федоровичу, заботится о его материальном благе, пытается женить. Своеобразие женской сущности тетушки подчеркивается и в описании ее внешности: «Казалось природа сделала непростительную ошибку, определив ей носить темно-коричневый по будням капот с мелкими оборками и красную кашемировую шаль в день светлого воскресенья и своих именин, тогда как ей более всего шли бы драгунские усы и длинные ботфорты» (1, 293). Интересно, что она так же, как и Петрович, посылает новые карпетки героя, в то время как старые уже были не раз штопаны и оттого стали узкими. Тетушка пытается изменить жизнь племянника, переместив его из прежнего мира – службы – в новый мир – материальный. При этом отмечается, что будущее материальное благополучие героя зависит сначала от получения таинственной бумаги, а затем женитьбы.

Шпонька «не был щедр на слова. Может быть, это происходило от робости, а может, и от желания выразиться красивее» (1, 290). Тетушка называет Ивана Федоровича «молодым»: «Воно ще молода дытына, обыкновенно она говаривала, несмотря на то что Ивану Федоровичу было без малого сорок лет, – где ему все знать!» (1, 294). Напомним, что *значительное лицо* также определяет Башмачкина как «молодого человека». Кротость души не смущает новая деятельность героя: «Он неотлучно бывал в поле при жнецах и косарях,

¹ Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: В 14 т. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 284–285. Далее ссылки на это издание помещаются в тексте с указанием тома и страницы в скобках.

и это доставляло наслаждение неизъяснимое его кроткой душе» (1, 294). Идея о приобретении записи о наследстве сменяется у тетушки новой манией – женить племянника на соседской дочери. Для героя известие о необходимости жениться – попытка разрушить устоявшийся мир: «Но Иван Федорович стоял, как будто громом оглушенный... жениться! ...Это казалось ему так странно, так чудно, что он никак не мог подумать без страха. Жить с женою! ...Непонятно! Он не один будет в своей комнате, но их должно быть везде двое!.. Пот проступал у него на лице, по мере того, чем более углублялся он в размышление» (1, 306). Герой «Шинели» также не желает изменять устоявшийся порядок жизни: он отказывается изменять глаголы с 1 лица на 3 в процессе переписывания канцелярских бумаг, испытывает страх перед приобретением новой шинели и т.д. Такое поведение характерно для Башмачкина в начале повести, затем кроткий переписчик, напротив, меняет сложившиеся традиции своего существования, что свидетельствует о его духовном перевоплощении.

Как Петрович искушает Башмачкина новой шинелью, так и тетушка предлагает Шпоньке изменить прежний образ жизни. При этом интересно очевидное соотношение: Акакий Акакиевич мысленно соотносит образ будущей шинели с женой, Иван Федорович во сне видит, «...что жена вовсе не человек, а какая-то шерстяная материя». В бредовом видении героя появление жены обусловлено деятельностью купца и портного: «Какой прикажете материи? – говорит купец. – Вы возьмите жены, это самая модная материя! Очень добротная! Из нее все теперь шьют себе сюртуки» (1, 307). Купец меряет и режет жену. Иван Федорович берет под мышку, идет к жиду, портному. «Нет, – говорит жид, – это дурная материя! Из нее никто не шьет теперь сюртука...» (1, 307). Образ жены / материи объединяет две повести Гоголя в аспекте изображения кроткого человека, верного своему служению / поприщу. Материальный мир изначально противопоставляется идиллическому внутреннему миру героя, разрушает его посредством вещи и отказа от своего прежнего образа жизни. Кроме того, образ жены / материи неразрывно связан с мотивом моды («это самая модная материя»). Герой не только погружается в материальный мир, «одеваясь в его одежды», но и старается соответствовать его формам, общепринятым нормам. Стремление подражать моде оборачивается для героя погружением в ад, разрушением внутреннего мира, овеществлением (МОДА – АДОМ).

В качестве одного из претекстов «Шинели» выступает и более раннее произведение – одна из повестей популярной прозы XVIII века – сказка Василия Левшина «Досадное пробуждение». Учитывая опыт сопоставительного анализа, предложенного Т.Е. Абрамзон в статье «"Досадное пробуждение" В. Левшина и "Шинель" Н. Гоголя»¹, обратим внимание не только на ряд элементов, составляющих некую инвариантную устойчивую часть гоголевской повести, но и на основные компоненты скрипторской темы в повести о бедном чиновнике. В первую очередь, хотелось бы обозначить особенности в изобра-

¹ Абрамзон Т.Е. "Досадное пробуждение" В. Левшина и "Шинель" Н. Гоголя: опыт сопоставительного анализа // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск, 2000. Вып. 9. С.324-328.

жении деятельности главных героев произведений, Брагина и Башмачкина. В. Левшин акцентирует внимание на переписывании героя. Т.Е. Абрамзон также выделяет данную параллель: «Герой повести XVIII века, так же как и Акакий Акакиевич, занимается переписыванием, правда, не так ревностно и искусно, однако именно эта работа составляет одну половину жизни Брагина...»¹. Но при этом автор статьи не рассматривает этот аспект как ключевой в рамках сопоставительного анализа двух повестей: «Необходимо отметить, что исследователи высказывались со ссылкой на С.С. Аверинцева об особом (почти сакральном) отношении к переписыванию и писанию вообще в средние века и о возможном переносе подобного отношения в повесть Н.В. Гоголя «Шинель», тем самым доказывая, то занятие Башмачкина не является примитивным, ограничивающим его личность. Думается, более верная точка зрения на этот вопрос состоит в том, что Гоголь хотел показать алогичность, иррациональность всей жизни маленького человека, в частности, превращение переписывания в разнообразный, приятный мир, который заменяет ему подлинную жизнь. Подобное занятие Брагина напрямую связывается с отсутствием каких-либо талантов и способностей»². В данной работе именно этот тезис в большей степени будет опровергнут: в качестве инварианта повести Н.В. Гоголя будет рассмотрен скрипторский аспект сюжета сказки В. Левшина. Кроме того, в качестве вариантов сюжета сказки будут представлены две повести Н.В. Гоголя – «Шинель» и «Записки сумасшедшего».

В описании героя отмечаются черты, которые становятся в дальнейшем определяющими для образа «вечного титулярного советника», бедного чиновника, героя-переписчика в произведениях Гоголя. Именно сочетание таких черт героя, как: бедность, «обездоленность», непривлекательная, незначительная внешность, одежда в заплатках, занятие переписыванием в течение 40 лет, безысходность и смиренное отношение к своей участи – дает возможность выделять данный образ в качестве предшественника обозначенного типа в текстах Гоголя, который затем воссоздается в произведениях раннего Достоевского.

Кроме того, в данном тексте обозначены и другие составляющие текстов Гоголя о чиновнике: искушение смиренного героя-переписчика, внешнее преобразование, отказ от переписывания, рост амбиций героя, стремление изменить структуру социальной иерархии, крушение надежд, неожиданное пробуждение. Указанная в начале текста смиренная, однообразная жизнь героя вдруг неожиданно начинает меняться. Брагин досадует против несправедливости начальника. Своеобразный бунт героя («Будь проклят секретарь!») поддерживается загадочной незнакомкой, которая просит написать челобитную против социальных несправедливостей. Так богиня счастья становится для Брагина демоном искусителем, который поддерживает его амбиции и реализует желания. В первую очередь, Брагин отказывается от деятельности переписчика: «Брагин чувствовал, что кандалы его спали; он бросил бумагу и бежал... С сего време-

¹ Там же. С. 325.

² Там же. С. 325.

ни я писать больше не намерен»¹. Отказ от переписывания приводит героя к отторжению в целом от служебной карьеры: «От высшего чина до нижнего всякое наполнено сует, беспокойств и опасности. Высшим завидуют, нижних притесняют; а я не хочу быть ни притеснителем, ни притесненным... Однако, есть одно, в котором, может быть, проживу я весело. Итак, я желаю обратиться в красавца»². Отказываясь от чина, героя погружает в совершенно иной мир, перерождается. Превращение Брагина напоминает метаморфозы Фауста: внешнее преображение и омоложение («Щедрое счастье не забыло и о его летах: сорок проведенных без внимания годов разделены пополам»). В «Шинели» значительное лицо также неожиданно омолаживает героя. В новой одежде Акакий Акакиевич обращает внимание на картинку с изображением красивой женщины, на которую смотрит молодой красавец, и вскоре он сам начинает заглядываться на красавицу (подобно молодому человеку).

Перерождение Брагина связано с приобретением новой одежды. Следует отметить, что получение нового одеяния, новой внешности – оболочки – занимает все мысли героя: «но Брагин не желал еще ничего; он любовался своим перерождением, рассматривая себя в тихом потоке речки, стоя на берегу оных»³. Более того, богиня счастья сравнивает его с монархом, так как его поведение соответствует этому статусу. Новая оболочка одновременно превращает Брагина в жениха. Новая шинель в мечтах Башмачкина соотносится с женой, «подругой жизни». Материальная оболочка выполняет функцию лица. Став мужем счастья, герой попадает на самую вершину социальной лестницы, причем в мировом масштабе: «Брагин видел, что судьи приказа, в коем он некогда находился и на коих тогда не смел взирать без трепета, были тут только приворотниками и кланялись ему в землю. Двери в покоях отворяли вельможи; духи и волшебницы готовились прислуживать при столе, наполненном вместо яств блюдами с коронами, с разными перевязками блюдами из бумаг, с червонными и бумажками, на коих написаны были все употребительные в свете титулы»⁴. Дворец счастья, в свою очередь, – атрибут короля. Своеобразный обед с блюдами из бумаг демонстрирует заветную мечту Брагина – раздавать чины, быть сильным мира сего, а волшебный напиток «забвения себя» указывает на особенность преобразования героя – отказ, отторжение от себя прежнего, от своей оболочки и служения-переписывания. Кроме того, «забвение себя» связано с мотивом сна / пробуждения. Реальность мнимая, желаемая становится явной, а объективный мир воспринимается как «кажимость». В то же время погружение героя в мир мечтаний (амбиций) одновременно связано с падением, искушением, разрушением себя. Отказ от себя, «забвение себя» – духовная деформация героя. Неожиданная метаморфоза – превращение бедного чиновника-переписчика в красавца, супруга счастья – повторяется в финале текста, но только с противоположным знаком. Красавец-король, суп-

¹ Левшин В. Досадное пробуждение // Повести разумные и замысловатые: Популярная проза XVIII века / Сост., автор вступительной статьи и примеч. С.Ю. Баранов. М., 1989. С. 493.

² Там же. С. 494.

³ Там же. С. 495.

⁴ Там же. С. 496.

руг счастья превращается в пьяницу-чиновника, «жалости достойного Брагина»; богиня счастья – в свинью, прекрасный дворец – в грязную лужу.

Такого же рода метаморфозы происходят и с гоголевскими героями. Акакий Акакиевич Башмачкин, будучи смиренным чиновником-переписчиком, неожиданно для себя вынужден был изменить свой наряд – старый капот на новую шинель. Метафизический черт-искуситель портной Петрович предлагает бедному чиновнику новую оболочку. Отречение от старого капота приводит героя к стремлению изменить кардинально свой образ жизни – «забыть себя» прежнего, «жениться», соответствовать поведению молодых чиновников. В сказке В. Левшина новую жизнь бедному чиновнику предоставляет богиня счастья, а в повести Гоголя функцию волшебницы выполняют, с одной стороны, Петрович, а, с другой стороны, начальник Башмачкина, который неожиданно выписывает чиновнику большое награждение. Реальный чиновничий мир преобразует Башмачкина, и этот же мир его уничтожает. «Помолодевший» чиновник в новой шинели после увеселительного обеда с шампанским вдруг приходит на службу в старом капоте.

Богиня счастья в виде социальной иерархии превращается в значительное лицо, которое и показывает чиновнику его истинное место (в грязной луже). Богиня предлагает Брагину сочинить себе судьбу, что приводит его к «забвению себя», отказу от Я. Символическое сочинительство новой шинели меняет Башмачкина, уводит его от пути смирения к нравственной и физической гибели. После потери новой дьявольской оболочки герой становится еще более жалким, чем он был прежде: Брагин – «жалости достойный», в грязной луже со свиньей; Башмачкин – «на другой день явился весь бледный и в старом капоте своем, который сделался еще плачевнее». Неслучайно так очевидны черты «Фауста» Гете и в сказке Левшина, и повести Гоголя. Душа продается, и герою остается только оболочка – тело, которое меняется в результате преобразования. Духовное подменяется материальным, для которого свойственно внешнее разрушение. Герой становится подобен вещи: марается, рвется, разрушается.

Рост амбиций Брагина в процессе сочинительства собственной судьбы, своего счастья, превращение его в символического короля вымышленного мира, появление бедного чиновника на верхней ступени социальной лестницы – все эти метаморфозы позволяют соотнести данного героя с гоголевским Поприциным (литературным двойником Башмачкина). Недовольство своим социальным положением приводит героя к желанию поменять судьбу. Поприцин сам выступает в качестве богини счастья: отказывается от переписывания, определяет себе место короля на социальной лестнице, шьет новое платье, создает текст – записки, превращается символически в короля Писания, командует своими начальниками, сообщает дочке начальника, что женится на ней и т.д. В воспаленном сознании возникает и переписка собачек, которых он выбирает в качестве посредников – проводников в мир счастья. С помощью их писем он пытается подсмотреть за жизнью высших чиновников. Мефистофель является Фаусту в образе собаки, Меджи – сам Поприцин, который подвергается искушению. Функцию материальной оболочки героя в данном случае выполняет не только новая одежда, внешность, но и имя. Переименование – один из вариантов сочинительства, «забвения себя».

В финале повести и Поприщина ожидает «досадное пробуждение» – внезапная метаморфоза: король Испании превращается в безумного бритого чиновника, которого выгнали со службы и отправили в сумасшедший дом. Если в «Шинели» на Башмачкине после «пробуждения» символически «плакал» капот, то в финале «Записок сумасшедшего» плачет сам чиновник, ощутив безысходность своего положения. Еще более жалкое положение в социальном мире, внешняя деградация героя отражают процесс разрушения его материальной оболочки, ветхость «человека-вещи».

Таким образом, можно сделать вывод, что функцию вещественной оболочки чиновника-переписчика метафорически выполняют следующие образы: одежда, письмо, брак с невестой-материей, место на служебной лестнице. Навязчивая идея о приобретении подобных «одежд» приводит героя на путь духовной гибели, тогда как отречение от атрибутов вещественности социального мира – на путь внутреннего освобождения. В связи с этим сказка В.Левшина становится претекстом, определяющим в произведениях Н.В. Гоголя специфику развития скрипторского сюжета.

Анализ претекстов гоголевской «Шинели» позволяет, с одной стороны, определить новаторство автора в использовании известного сюжета о бедном чиновнике, выделить совокупность повторяющихся художественных элементов, составляющих контуры художественного кода сверхтекстового образования, с другой стороны, выявить степень повторяемости данных элементов в рамках нарратива в других произведениях с подобным сюжетом. Высокой степенью устойчивости обладает модель повести «Шинель» благодаря тому, что в ней совмещает одновременно несколько дискурсов, объединенных сферами писания и шитья. В образной системе повести соотносится пишущий герой и герой, который шьет, Башмачкин и Петрович. Постепенное погружение чиновника-переписчика в сферу шитья актуализирует процесс грехопадения. Центральная проблема овеществления человека раскрывается через взаимодействие различных семантических пластов в повествовании. Духовное начало в человеке выражается в акте переписывания, воспроизведения текста, при котором чиновник выступает как носитель средневекового сознания, он свободен от материи. Процесс порабощения человеческого духа материальной вещью представлен в отказе от переписывания, что приводит героя к духовной гибели. Внешний социальный мир противопоставлен в повести внутреннему духовному миру, мир оболочек искушает духовную личность.